

КАК РЕШАЛ ВОПРОС «БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ» ДЕТЕЙ АРТИСТ ЕВГЕНИЙ ЛЕОНОВ В СВОЕЙ СЕМЬЕ

«Пропотели рубашка, пиджак и мокасины, а она все не унималась. Ну, думаю, дам сегодня затрещину, все!»

Народный артист РСФСР Евгений Леонов в 1973 году. Фото Валентина Мастюкова/Фотохроника ТАСС

Из письма Евгения Леонова к сыну:

«Андрюша, ты люби меня, как я люблю тебя. Ты знаешь, это какое богатство – любовь. Правда, некоторые считают, что моя любовь какая-то не такая и от нее, мол, один вред. А может, на самом деле моя любовь помешала тебе быть примерным школьником? Ведь я ни разу так и не выпорол тебя за все девять школьных лет.

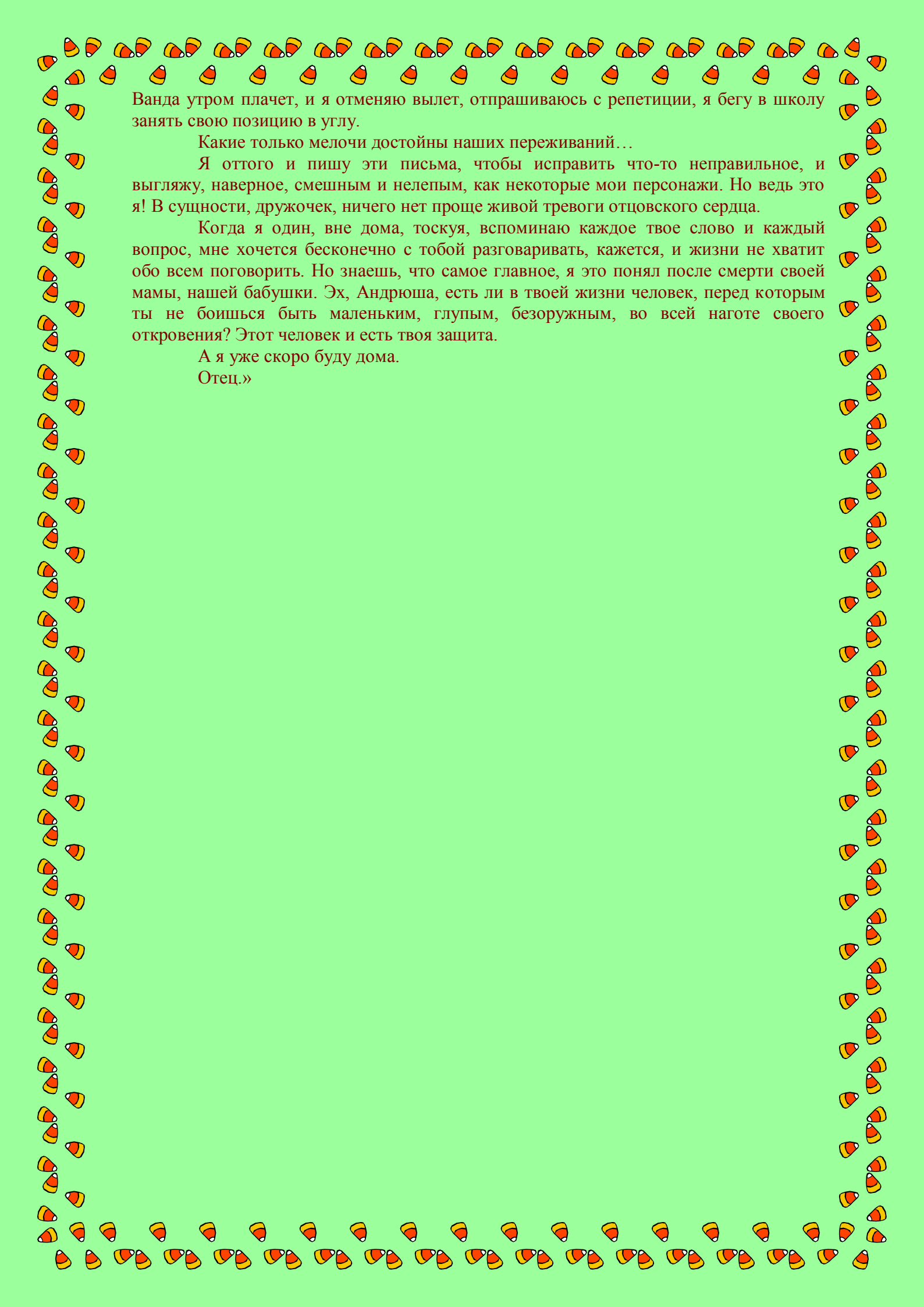
Помнишь, ты строил рожи у доски, класс хохотал, а учительница потом долго мне выговаривала. Вид у меня был трижды виноватого, точно я стою в углу, а она меня отчитывает как мальчишку. Я уже готов на любые унижения, а ей все мало: «Ведь урок сорван... – ведь мы не занимаемся полноценно сорок пять минут.. – ведь сам ничего не знает и другим учиться не дает... – ведь придется вам его из школы забрать... – ведь слова на него не действуют...»

Пропотели рубашка, пиджак и мокасины, а она все не унималась. «Ну, думаю, дам сегодня затрещину, все!» С этими мыслями пересекаю школьный двор и выхожу на Комсомольский проспект. От волнения не могу сесть ни в такси, ни в троллейбус, так и иду пешком... Женщина тащит тяжелую сумку, ребенок плачет, увидев меня, улыбается, спиной слышу, мать говорит: «Вот и Винни-Пух над тобой смеется...»

Незнакомый человек здоровается со мной... Осенний ветерок обдувает меня.

Подхожу к дому с чувством, что принял на себя удар, и ладно. Вхожу в дом, окончательно забыв про затрещину, а увидев тебя, спрашиваю: «Что за рожи ты там строил, что всем понравилось, покажи-ка». И мы хохочем.

И так до следующего вызова. Мать не идет в школу. А я лежу и думаю: хоть бы ночью вызвали на съемку в другой город или с репетиции не отпустили бы... Но

Ванда утром плачет, и я отменяю вылет, отпрашиваюсь с репетиции, я бегу в школу занять свою позицию в углу.

Какие только мелочи достойны наших переживаний...

Я оттого и пишу эти письма, чтобы исправить что-то неправильное, и выгляжу, наверное, смешным и нелепым, как некоторые мои персонажи. Но ведь это я! В сущности, дружочек, ничего нет проще живой тревоги отцовского сердца.

Когда я один, вне дома, тоскуя, вспоминаю каждое твое слово и каждый вопрос, мне хочется бесконечно с тобой разговаривать, кажется, и жизни не хватит обо всем поговорить. Но знаешь, что самое главное, я это понял после смерти своей мамы, нашей бабушки. Эх, Андрюша, есть ли в твоей жизни человек, перед которым ты не боишься быть маленьким, глупым, безоружным, во всей наготе своего откровения? Этот человек и есть твоя защита.

А я уже скоро буду дома.

Отец.»